

**«ЗЕМЛЯ, ГДЕ ИМЯ ДАЛИ...»:
К 75-летию со дня рождения амурского поэта Виктора Алюшина**

Виктор Георгиевич Алюшин, известный амурский поэт и радиожурналист, родился 3 августа 1940 года в с. Степном. К сожалению, населённый пункт этот, как и множество других «неперспективных» сёл и деревень России, давно уже исчез с лица земли и не значится на карте Амурской области. Отчасти поэтому о детских и юношеских годах поэта известно крайне мало, в основном, с его же слов. А о себе самом, об «этапах» собственной биографии и собственного творчества Виктор Георгиевич по природной скромности особо не распространялся, обычно ограничиваясь самыми общими, весьма скуными сведениями. По-видимому, он считал, что о поэте нужно судить не по фактам биографии, а по стихам. К тому же ему, похоже, была свойственна некоторая недооценка значимости и ценности собственного художественного творчества: в отличие от значительной части своих поэтических собратьев, он никогда не утверждался за счёт саморекламы, никогда не выпячивал собственную персону и не претендовал на повышенное к себе внимание.

Виктор Алюшин считал себя коренным амурцем – и по месту рождения, и по самоощущению. На амурской земле он родился и вырос, здесь окончил десятилетку, был рабочим совхоза, каменщиком, шофёром. После службы в армии увлёкся поэтическим творчеством и журналистикой. Значительную часть своей жизни В. Алюшин посвятил работе на областном радио (ГТРК «Амур»), более трёх десятков лет возглавлял редакцию передачи «Солдат России» (в 1970-е – «Солдатский час»). Еженедельная передача эта была в 1970–1980-е фантастически популярной, и не только среди военнослужащих – её с нетерпением ждали радиослушатели всех возрастов и профессий. В выпусках «Солдатского часа» иногда звучали поэтические строчки Алюшина и других амурских и российских поэтов.

Во второй половине 1960-х стихи В. Алюшина стали появляться, хотя и не очень часто, в областной и дальневосточной периодической печати, почти сразу обратив на себя внимание читателей, среди которых у поэта нашлось немало поклонников. Некоторые воспринимали его как своего, «амурского Рубцова», как одного из «тихих лириков» регионального масштаба. Это было справедливо, но только отчасти.

Что касается отношения Алюшина к Рубцову, то о его характере можно судить, в частности, по одной из давних передач Амурского радио, фонозапись которой передана в литературно-краеведческий музей БГПУ Ириной Кондратенко (в альманахе «Амур» за 2012 год напечатаны её воспоминания, в которых рассказывается и об этой передаче). Алюшин не пытался предстать перед амурскими радиослушателями в льстящей его самолюбии роли «закадычного друга» знаменитого русского поэта. Он говорил: «Знаком с ним по учёбе, во время сессий в Литинституте общались немало. Но называться его другом было бы самонадеянностью». И далее, по ходу передачи, Виктор Георгиевич рассказывал о своих встречах с Рубцовым, о любопытных случаях, свидетелем и участником которых был. Вот только один из них. Дело было летом, во время сессии. Сдав очередной экзамен, студенты Литинститута собрались возле Останкинского пруда, чтобы обменяться впечатлениями и выпить холодного пива. И вдруг по асфальту улицы Руставели зацокали копыта: трусила лошадка, впряжённая в телегу на резиновом ходу. Большинство из присутствующих отнеслись к этому равнодушно, а Рубцов, по словам Алюшина, с печалью посмотрел вслед «гужевому транспорту», заплакал и сказал: «Скоро и этого не увидим. Уходит русская деревня...» По тому, с каким чувством Алюшин передавал эти горькие слова Рубцова, можно понять, что и сам он похожим образом относился к гибели русской крестьянской Атлантиды, деревенского мира, родного села...

Первый поэтический сборник, «Зелёный зной» (1973), вышел у В. Алюшина сравнительно поздно, ему уже исполнилось 33 года. Редактировал тридцатистраничную книжечку к тому времени обретший широкую известность Леонид Завальнюк, весьма взыска-

тельный по отношению к своим коллегам по поэтическому цеху. Уже само появление в выходных данных книжки имени Завальнюка – знак признания и предмет гордости.

По словам поэта Валерия Черкесова – нашего земляка, живущего ныне в Белгороде, Алюшин – «может быть, самый проникновенный лирик Приамурья». Если определять поэтическую традицию, которую он развивал, то в первую очередь, конечно, нужно назвать имена С. Есенина и Н. Рубцова. Но при этом следует оговориться, что амурский поэт не столько подражал им, сколько совпадал с ними по мироощущению, проблематике и поэтике. Следование поэтическим принципам, которые принято связывать с их именами, было для Алюшина, пожалуй, единственным шансом с максимальной полнотой и адекватностью выразить то, что рождало его собственное поэтическое сознание. У Виктора Алюшина был собственный, негромкий, но очень проникновенный поэтический голос, передающий то, что шло от души и сердца этого автора. Его вдохновение рождалось от соприкосновения не столько со стихами более именитых лириков, сколько с тем, что окружало в жизни, что он видел вокруг себя. В. Черкесов признавался, что в период своего творческого становления, познакомившись со стихами Алюшина (и Завальнюка), он понял простую, но очень важную вещь: «<...> поэзией может стать всё, чем мы живём, каждое событие, каждое явление природы, только надо уметь об этом сказать и рассказать».

В творческой лаборатории Алюшина происходило чудо превращения житейской прозы в подлинную поэзию, трансформация материального, предметно-бытового в идеальное, бытийное. И для этого ему не нужна была изощрённая поэтическая техника, формальные изыски. Стих Алюшина подчёркнуто традиционен. У него нет ничего вычурного, искусственного, самодовлеющего, тем более эпатажного: язык, стиль, интонация, образительно-выразительные средства – всё удивительно простое, естественное, органичное, всё идеально соответствует тому, о чём он пишет, тем картинам, которые рисует, тем переживаниям, которые пытается донести до читателей. Гармония стиха, похоже, является эстетической проекцией гармоничного мироощущения, в первую очередь, это касается раннего периода творчества. Лирический герой раннего Алюшина – удивительно чистый, душевно ранимый, по-детски застенчивый, готовый щедро дарить свою любовь всему миру, всем, кто нуждается в его заботе и участии. Он ощущает радость бытия, ему пока ещё кажется, что мир в своих основаниях совершенен и непоколебим, что отдельные возникающие диссонансы легко устраняются:

В мире всё идёт по кругу.
Завивается в спираль.
Потянулись птицы к югу
Сквозь сереющую даль.

Мы, как дети, снегом бредим,
Спим ночами кое-как
И у тёщи за обедом
Хлеб ворует для собак.

(«В мире всё идёт по кругу»)

Главный источник его поэтического вдохновения – внутреннее родство с амурскими просторами, ощущение неразрывной связи с природой Приамурья. Родная амурская земля является центром его поэтического мира. Именно здесь, в представлении поэта, проходит «земная ось», вокруг которой вращается не только Россия, планета Земля, но и Вселенная. Это своё ощущение Алюшин передал в стихотворении «Земная ось»:

Где-то в недрах под нами
По наклонной, насквозь,
Шар пронзает земная

Многотрудная ось.

Всё проходит над осью,
Кроме полюсов двух:
И сады, и колосья,
И ромашковый луг.

Города на просторе,
Волны синих морей,
Наше счастье и горе
Проплывают над ней...

Эта незримая ось, которую он ощущал сердцем и душой, вокруг которой вращались и выстраивались жизнь и творчество поэта, проходила через его малую родину. Именно поэтому он был, прежде всего, певцом амурских степных просторов, амурских полей, амурского неба, своего родного села (пусть и оставшегося лишь в памяти), односельчан, матери. Хотя большая часть его жизни прошла в областном центре, в городских ландшафтах, Алюшин всегда, на протяжении всей своей жизни ощущал притяжение к той самой «земной оси», слышал зов родной земли:

Пшеничный зреет колос,
Качаясь и звеня.
Родной до боли голос
Зовёт, зовёт меня.

Земля, где имя дали
И где с друзьями рос,
Меня из дальней дали
Зовёт на сенокос.

(«Пшеничный зреет колос...»)

И это восьмистишие, и процитированная выше «Земная ось», и многие другие его лирические произведения перекликаются с одним из программных стихотворений его однокашника по заочному отделению Литературного института Николая Рубцова – «Осью жизни»:

Как центростремительная сила,
Жизнь меня по всей земле носила!
<...>
Но моя родимая земля
Надо мной удерживает власть, –
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась.
И вокруг любви непобедимой
К сёлам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси!..

При всех различиях, Алюшина с Рубцовым роднило многое. Его поэзия тоже была обращена к душевному миру человека, строилась на созерцательности, элегичности, исповедальности, а не на проповеди, не на публицистичности, не на социальной актуальности и политической злободневности, не на голой риторике и броских лозунгах, которые в

годы «оттепели» были в большом ходу. Она рассчитана была на сердечное сопереживание, на душевный отклик, на пробуждение самостоятельной мысли – «думы».

Видный амурский писатель и редактор Владислав Лецик подметил как-то, что хотя «стихи Алюшина в основном о природе», «он умудряется сказать о многом». Действительно, его пейзажные зарисовки – это не просто фиксация увиденного: поэт ощущает и передаёт в своих стихах связь частного и всеобщего, конкретно-исторического и вечного, универсального. Запечатлённый миг, отдельное природное или социальное явление показываются, воспринимаются в их неразрывной связи со всем мирозданием, с историей, с вечностью. Мир, который видит и слышит вокруг себя поэт, пронизан льющейся с небес музыкой, свидетельствующей о существовании Творца. Он, автор «проекта» земного мироустройства, присутствует в каждой капле, в каждой частичке и каждом временном отрезке бытия:

Увязли насекомые в цветах.
Смола застыла, с дерева стекая,
И с неба льётся музыка такая,
Какую открывал в природе Бах...
(«Увязли насекомые в цветах...»)

Но со временем мироощущение поэта претерпело некоторые изменения. Меньше стало поводов для радости, пришло ощущение хрупкости мира, уязвимости русской цивилизации, скоротечности человеческого существования. Эти новые настроения отразились в следующих двух небольших поэтических сборниках: «Свет ковыля» (1985) и «Туманы северного края» (2000), а также в стихотворных подборках, печатавшихся в областной и дальневосточной периодике.

Теперь поэт всё чаще осознаёт, что гармоничный замысел Творца может быть разрушен неразумными и злыми деяниями человечества, превращающего Землю не в райский сад, а в общую могилу и для «братьев наших меньших» («Дикая охота»), и для себя. Это представление Алюшина нашло предельно ёмкое воплощение в коротком стихотворении:

...А сколько войн на свете было,
Какие люди полегли...
Земля, как братская могила,
Летит в космической пыли.

Эпоха рыночных реформ, обернувших сломом и деградацией традиционного уклада русской жизни, лишь усилила трагические нотки в поздней лирике В. Алюшина, рождала чувство безысходности. В какие-то моменты он пытался представить, как бы посмотрел на современное состояние России Н. Рубцов. Картина получилась безрадостной:

Не заплещется море синее,
Сколь водицы в него не лей.
Закатилась звезда России,
Закатилась звезда полей...
(«Не заплещется море синее...»)

Алюшин остро переживал поразивший страну кризис, деградацию всех сфер жизни, вымирание русской деревни:

Рождаемся на свет в кромешной темени,
И после наши беды велики.

Уходят и уходят раньше времени
Из жизни окаянной мужики»
(«На сотни вёрст дорога не кончается...»)

Но и в самые тяжкие моменты в душе Алюшина жила надежда, перерастающая порой в уверенность, что сформированная в русском человеке способность к выживанию, помноженная на пронзительную, неизбывную любовь к отчему дому, станет спасением России. Иносказательно эта мысль присутствует в одном из лучших его произведений – стихотворении «Перелётные птицы»:

Птицам не страшны любые дали,
Их пути – таинственная вязь.
От кого пернатые узнали,
Что весна в России началась?

Да и что на севере им надо, –
В этом неприветливом бору,
Где высоких сосен колоннада
Инеем покрыта поутру?

Райские отпущены им кущи:
Размножайся, радуйся, живи.
Но любовь всё яростней и пуще
В птичьей разгорается крови.

Вот они над копнами соломы
И над серпантином автострад,
Вечными инстинктами ведомы,
С криками гортанными летят.

Слыша крики птиц, я замираю:
В них и боль, и радость, и тоска...
Это же любовь к родному краю
Птиц домой ведёт издалека!

Скончался поэт в Благовещенске 27 мая 2011 года. За 10 месяцев до этого ему исполнилось семьдесят, однако никаких юбилейных торжеств по этому случаю в Приамурье не было. Как и соответствующих моменту публикаций в областной прессе, телевизионных передач... Впрочем, и уход из жизни известного лирика и журналиста остался почти незамеченным – Виктор Алюшин умер так же тихо, как жил, как складывал и читал свои стихи...

Журналист Павел Савинкин очень точно определил место Алюшина в русской поэзии: «Маленький поэт большой страны. Большой поэт малой родины».

Александр УРМАНОВ,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой литературы
Благовещенского государственного педагогического университета.